



КЛАССНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

— Виктор Астафьев —



ВАСЮТКИНО ОЗЕРО РАССКАЗЫ



Виктор Петрович Астафьев
Васюткино озеро. Рассказы
Серия «Классная литература»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73977502

*Васюткино озеро. Рассказы: Махаон, Издательство АЗБУКА; Москва;
2026*

ISBN 978-5-389-32735-1

Аннотация

Виктор Петрович Астафьев (1924–2001) – журналист и прозаик, один из главных представителей «деревенского» направления в русской литературе. Трудное детство и суровый фронтовой путь не помешали ему стать чутким и наблюдательным художником. Рассказы Виктора Астафьева проникнуты любовью к родине и глубоким уважением к миру природы.

Содержание

Зорькина песня	8
Гуси в полынье	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Виктор Астафьев

Васюткино озеро. Рассказы

© Астафьев В. П., наследники, 2026 © Устинов Н. А., наследники, иллюстрации, 2026

© Оформление.

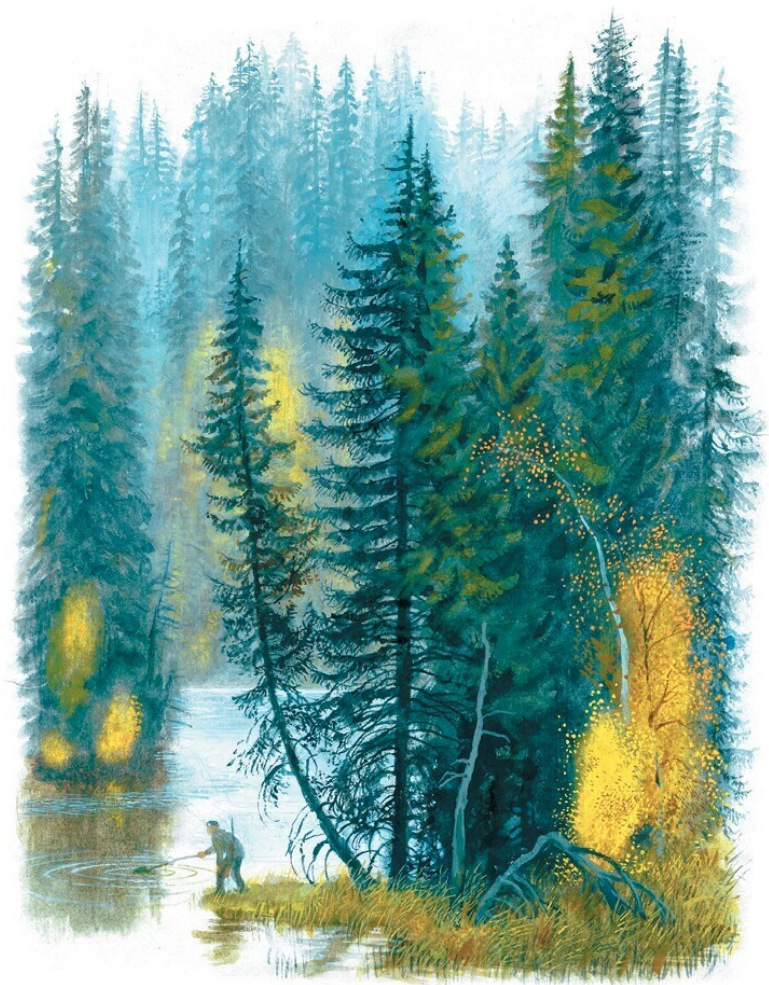
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Махаон®

* * *



КАССИЯ





Зорькина песня

Бабушка разбудила меня рано утром, мы пошли на увал по землянику. Огород наш упирался дальним пряслом в увал. Через жерди переваливались ветки берёз, осин, сосен. Одна черёмушка катнула под городьбу и разрослась на меже среди крапивы и конопляника. Её никто не трогал, и на ней вили птички гнёзда.

Деревня ещё тихо спала. Ставни на окнах были закрыты, не топились ещё печи, и пастух не выгонял сонных и неповоротливых коров за поскóтину, на приречный луг.

А по лугу под увалом стелился туман, и была от него мокрая трава, никли долу цветы куриной слепоты, ромашки приморщили белые ресницы на жёлтых зрачках.

Енисей тоже был в тумане, и скалы на другом берегу, будто подкуренные густым дымом снизу, отдалённо проступали вершинами в поднебесье и ровно бы плыли встречь течению реки безостановочно.

Неслышная днём, вдруг обнаружила себя Малая речка, рассекающая село напополам. Тихо пробежавши мимо деревни, она начинала гуркотеть, плескаться и картаво наговаривать на перекатах. И чем дальше, тем смелей и говорливей делалась.

Вот и наговаривает, наговаривает сама с собой, довольная тем, что пока её не мутят и не баламутят. Но внезапно об-

рывается её говор: это прибежала речка к Енисею, споткнулась о его большую воду и сконфуженно смолкла. Тонкой волосинкой вплеталась Малая речка в крутые, седоватые валы Енисея. Вобрав её голос в себя, слившись с тысячами других речных голосов, собравши капля по капле силу свою, грозно гремела река на порогах, пробивая себе путь к студёному морю, и растягивал Енисей светлую ниточку нашей деревенской речки на многие тысячи вёрст, и как бы живую, трепещущей жёлтой деревня наша была всегда соединена с огромной землёй.

Кто-то собирался плыть в город и сколачивал мостки на Енисее. Звук топора возникал на берегу и затем проносился, минуя спящее село, чтобы удариться о каменные обрывы увалов и, повторившись под ними, рассыпаться многоэхо по распадкам.

Сначала бабушка, а за нею я пролезли меж мокрых от росы жердей и пошли по распадку вверх на увалы. Весной по этому распадку рокотал ручей, гнал талый снег, лесной хлам и камни в наш огород, но летом утихомирился. И сейчас путь его обозначал только до блеска омытый камешник.



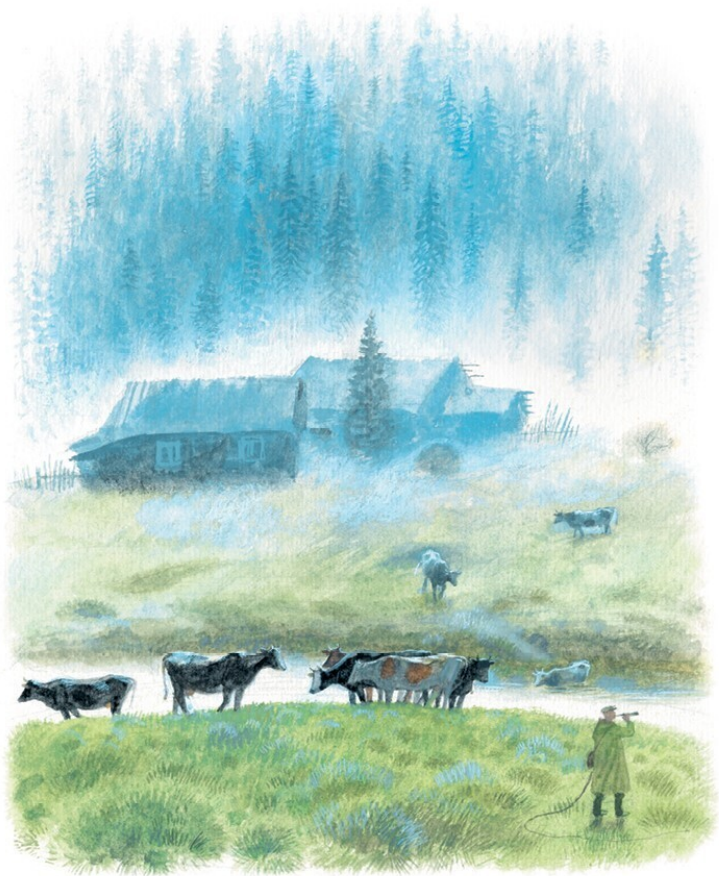
В распадке уютно дремал туман, и было так тихо, что мы боялись кашлянуть. Бабушка держала меня за руку и всё крепче, крепче сжимала её, будто боялась, что я могу вдруг исчезнуть в этой обволакивающей белой тишине. А я боязливо прижимался к ней, к моей живой и тёплой бабушке. Под ногами шуршала мелкая ершистая травка. В ней желтели шляпки маслят и краснели рыхлые сыроежки.

Местами мы низко пригибались, чтобы пролезть под наклонившуюся сосенку. По кустам переплелись, как хмель, цветы – дедушкины кудри. Мы запутывались в нитках цветов, и тогда из белых чашечек выливалась мне за воротник и на голову студёная роса.

Я вздрагивал, ёжился, облизывал горьковатые капли с губ.

Бабушка вытирала мою стриженую голову ладонью или краешком платка, с улыбкой подбадривала, уверяла, что от росы да от дождя люди растут большие-большие.

Туман всё плотнее прижимался к земле, волокнистой куделею затянул село, огороды и палисадники, оставшиеся внизу. Енисей словно бы набух молочной пеною, берега и сам он заснули, успокоились под непроглядной, шум не пропускающей мягкотью. Даже на изгибах Малой речки появились белые зачёсы, и видно сделалось, какая она вилючая.



Но светом и теплом всё шире разливающегося утра раскатывало туманы, тоньше, тоньше скручивало их валами в

распадках, загоняло в потайную дрёму тайги.

Топор на Енисее перестал стучать. И тут же залилась, гнусаво запела на улицах берёзовая пастушья дуда, откликнулись ей со дворов коровы, звякнули боталами, и сделался слышен скрип ворот.

Коровы брели по улицам села, за поскотину, то появляясь в разрывах тумана, то исчезая в нём.

А в распадках и тайге туманы будут стоять до высокого солнца, которое хотя ещё и не обозначило себя и было за далью гор, где стойко держались снежные беляки и ночью дышали холодом и этими вот туманами, что украдчиво ползли к нашему селу в сонное предутрие, но с первыми звуками, с пробуждением людей, убирались в лога, ущелья, провалы речек, обращались студёными каплями и питали собой листья, травы, птах, зверушек и всё живое и цветущее на земле.

Мы пробили головами устоявшийся в распадке туман и побрели по нему, как по мягкой, податливой воде, выбредали из него медленно и бесшумно. Вот он уже по грудь нам, по пояс, до колен, и вдруг навстречу из-за дальних увалов плеснулось яркое солнце и празднично заискрилось, заиграло в лапках пихтача, на камнях, на валежниках, на упругих шляпках молодых маслят и в каждой травинке.

Над моей головой встрепенулась птичка, стряхнула горсть искорок и пропела звонким, чистым голосом, как будто она и не спала, будто всё время была начеку: «Тить-тьить-ти-ти-ррри-и...»



– Что это? – спросил я шёпотом.

– Это зорькина песня.

– Как?

– Зорькина песня. Птичка зорька утро встречает, всех птиц об этом оповещает.

И правда, на голос зорьки (так в наших краях называют зорянку) ответило сразу несколько голосов – и пошло, и пошло! С неба, с сосен, с берёз – отовсюду сыпались на нас искры и такие же яркие, неуловимые, смешавшиеся в единый хор птичьих голоса. Их было много, и были они один звонче другого, и всё-таки зорькина песня, песня народившегося утра, слышалась громче, яснее других.

Зорька улавливала какие-то мимолётные, почти незаметные паузы и вставляла туда свою сыпкую, неудержимо радостную песню.

– Зорька поёт! Зорька поёт! – закричал я и запрыгал неизвестно отчего.

– Зорька поёт, значит, утро идёт, – сказала бабушка, и мы поспешили навстречу этому утру и солнцу, медленно поднимающемуся из-за увалов.

Нас провожали и встречали птичьих голоса; нам низко кланялись обомлевшие от росы и притихшие от песен сосенки и ели, рябины и берёзы.

В росистой траве загорались от солнца огоньки земляники. Я наклонился, взял пальцами чуть шершавую, ещё толь-

ко с одного бока опалённую ягодку. Руки мои запахли лесом,
травой и этой яркой зарёю, разметавшейся по всему небу.



А птицы всё так же громко и многоголосно славили утро и

солнце, и зорькина песня, песня пробуждающегося дня, вли-
валась в моё сердце и звучала, звучала, звучала...



Гуси в полынье

Ледостав на Енисее наступает постепенно. Сначала появляются зеркальные забереги, по краям хрупкие и неровные. В заливчиках и заводях они широкие, на быстрине – узкие, трепещущие. Но после каждого морозного утра они становятся всё шире, а потом начинает плыть шуга. И тогда вся река шуршит печально, утихомиренно, засыпая до весны.

С каждым днём толще и шире забереги, уже полоса воды, гуще шуга. Она теснится, рыхлые льдины с хрустом лезут одна на другую. А потом окрепшая шуга спаивается, и однажды, чаще всего в студёную ночь, река встаёт.

Там, где река в последний раз сердито громоздила льдины, остаются торосы – острые ледяные клыки торчат всюду.

Но вот закружилась позёмка, потащило ветром снег по реке, и зазвенели тонкие льдинки, сдерживая порывы ветра; возле них, как у щитков, образовались сугробы. Только на быстрине, на самой стремнине, где торосы высоки и льдины крепки что сталь, всю зиму торчат они, зеленоватые, сверкающие на солнце.

Но как бы ни крута была осень, как бы густо ни шла шуга, она никогда не может разом усмирить Енисей. На нём то там, то тут остаются полыньи. Самая большая полынья – у Караульного быка.

Здесь всё бурлит, клокочет, шуга плывёт дальше, свире-

пое течение крушит хрупкий припай. Не мирится Караульный бык, не желает вмерзать в реку. Уже вся река замёрзла, а он стоит в полной воде. Уже идут по льду первые отчаянные пешеходы, осторожно прощупывая палкой лёд перед собой; появилась одинокая подвода, затем длинный, неторопливый обоз, а у быка всё ещё колыхается пар и чернеет вода.

От пара куржевеют каменные выступы быка, а кустики, трава и сосенки, прилепившиеся к нему, обрастают толстой бахромой, и среди тёмных, угрюмых скал Караульный бык, разрисованный пушистыми, до рези в глазах белыми узорами, кажется каким-то чудом.

Однажды после ледостава кто-то сообщил в деревню, что возле быка, в полынье, плавают гуси и не улетают. Гуси крупные, людей не боятся – должно быть, домашние.

И в самом деле, вечером, когда мы, ребяташки, катались на санках, с другой стороны реки слышались тревожные крики. Можно было подумать, что там кто-то долго, настойчиво и нестройно наигрывал на пионерском горне.



Гуси боялись наступающей ночи. Ведь полынья с каждым часом становилась всё меньше. Мороз исподволь, незаметно округлял её, припаивал к закрайкам плёночки льда, которые твердели и уже не ломались от вихревых струй.

На следующий день мы целой оравой перешли реку по свежей, ещё чуть наметившейся тропинке и приблизились к быку. Один по одному забрались на выступы обледенелого камня и сверху увидели гусей.

Полынья сделалась совсем маленькой. Там, где вода выбуривала тугим змеиным клубком и кипела так, словно её подогревали снизу громадным костром, ещё оставалось тёмное яростное окно. И в этом окне металась по кругу ошалевшая, усталая и голодная стайка гусей. Чуть впереди плавала дородная гусыня и время от времени тревожно вскрикивала. Иногда она подплывала к хрупкому припаю, врзалась в него грудью, пытаясь выбраться на лёд и вывести весь табун.

Мне и прежде приходилось видеть плывущих среди льдин гусей. Где-то в верховьях Енисея они жили себе, жировали и делались настолько беспечными, что и ночевать оставались на реке. И эта беспечность приводила к тому, что ночью их подхватывало свежей шугой, выталкивало на течение, и к утру они уже оказывались невесть где и в конце концов вмерзали в лёд или выползали на него и, конечно, гибли от мороза.

А эти всё ещё боролись. Их подбрасывало на волнах, раз-

мётывало в стороны, как белый пух, и тогда мать вскрикивала коротко и властно. И мы понимали это так: «Быть всем вместе! Держаться ближе ко мне! Не вешать голов!»

Внезапно одного гуся течением отделило от стайки, подхватило и понесло к краю полыньи. Он поворачивался навстречу струе грудью, пытаясь одолеть течение, но его тащило и тащило. А когда пригнало ко льду, он закричал отчаянно. Мать бросилась на крик, ударяя крыльями по воде, но молодого гуся притиснуло к краю льда, свалило на бок, и он беленьким комочком мелькнул под припаем, как под стеклом, и исчез навсегда.

Гусыня кричала долго и с такой печалью, что у нас спины покорило.

И тут кто-то из ребят сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.